

"Вы уверены?" Хотя в его голове была именно такая идея, обещанная подпитка все еще заставляла его чувствовать себя немного неловко, и он сказал: "Ты можешь думать ясно, боль не является обычной после того, как Хуо Лин Дань входит в тело. Боль, яростный огонь сжигает дюйм за дюймом тело, и внутренняя сила должна быть транспортирована, чтобы противостоять ей, и лекарственная сила должна быть направлена на сердце и печень, а огонь сжигает сердце. Знаете ли вы, насколько мучительна эта боль?". Если бы не рафинирование, Хуо Линь Дань должен иметь желание и решимость, а его внутренняя сила также очень сильна. Как он мог ждать пятнадцать лет.

"Все в порядке, молодое поколение сможет это выдержать". Лу Яо ответил с небольшой улыбкой и мягким голосом.

"Так, это хорошо, сначала ты возьмешь выходной, съешь побольше снежного лотоса снаружи, а когда твои силы восстановятся, мы займемся этим". Би Бай'ан кивнул.

"Старший также должен использовать сердце и печень пилюли Огненного Линя для изготовления лекарства, верно? Может ли младший попросить старшего?" Лу Яо, глядя прямо на Би Байаня, сказал: "Может, сначала ты изменишь ей глаза, а младший возьмет огонь? Линь Дань, когда ей станет лучше, попроси старшего отправить ее с горы, а потом отправь ее в лагерь Линцзя в Ганьчжоу или Лянчжоу под горой".

Би Байань долго смотрел на него глубоким взглядом, на его губах застыла ясная улыбка, затем он кивнул в ответ.

Лу Яо еще раз поклонился в знак благодарности, затем встал и пошел обратно в каменный дом. Би Байань подошел к озеру. Жара в озере была такая, что он не мог ее выносить, но он бессознательно вошел в озеро и посмотрел на красивую женщину, наполовину плавающую в воде. Пробормотал: "Цзинь'эр, наконец-то дождалась меня. Пока он рафинирует пилюлю Огненного Линя, ты сможешь решить проблему с ядом Мяо Цинмэна, и больше не придется страдать здесь, эта порочная женщина, ждет тебя, чтобы отравить Понял, я должен заставить ее умереть!". Говоря о спине, ее лицо уже было мрачным и жестоким.

Его пальцы нежно обводили ее контур, брови и глаза Лу Яо были полны нежности, а уголки его рта улыбались, глядя на нее идиотски, как будто он хотел выгравировать ее в своем сердце.

Десять лет назад его любовь была лишь юношеской любовью, страстной, но поверхностной, поэтому между местью и любовью он выбрал месть, а затем потерял себя в сладости, принесенной силой, когда он начал осознавать свое сердце, Зная, как важна эта любовь для нее, он уже совершил большую ошибку, непоправимую ошибку... После этого, хотя я могу только наблюдать и охранять на расстоянии, мое сердце снова пульсирует, как тогда. Женщина, сильная и добрая женщина, просто наблюдая со стороны, позволила поверхностной любви выпасть в осадок и перебродить, и стала не в состоянии вырваться из-за спины, но она больше не может подойти...

Потому что в ее сердце больше нет его, не надо его ненавидеть или даже забывать...

У сильного человека, когда прозвучало это имя, защемило сердце. Одиннадцать лет назад она преследовала его и называла Лу Яо. Когда он был ***, он называл его моим маленьким зятем. Одиннадцать лет спустя он стал чужим. Звание мужчины, героя...

Отвязав от руки маленький нефритовый меч, она положила его в глубину своей сумочки. Лу Яо наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

Это так хорошо, Цинъюй. Отныне мои глаза будут помогать тебе видеть мир. Мое сердце и печень станут питательными веществами в твоём теле. Даже если ты больше не будешь помнить меня, Лу Яо все равно будет в твоём теле. Хорошо, но...

Нож в его руке был тонким, как крылья цикады, с холодным ознобом, Би Байань взял мягкое полотенце, осторожно вытер лезвие и сказал: "Молодой человек, теперь уже поздно сожалеть".

Лу Яо посмотрел в сторону Линь Цинъюя, который спал на другой каменной платформе, и прошептал: "Никаких сожалений".

Направив нож на солнце и посмотрев на него, Би Бай'ан сказал: "Если ты хочешь убедиться, что твои глаза в хорошем состоянии, ты должен бодрствовать. Это будет очень больно.

Когда я вырежу тебе глаза, ты не сможешь двигаться".

"Все в порядке", - Лу Яо слегка улыбнулся, а затем спросил: "Старший, после пересадки она сможет выздороветь?".

"Другие не могут, только она. Змеиная пилюля на её теле обладает очень сильной устойчивостью и может автоматически сплавить твои глаза", - Би Байань немного подумала и сказала: "Я вспомнил, если я смогу накормить её чем-нибудь после этого. Если ты поешь, то выздоровеешь быстрее".

Наступила тишина.

Лу Яо разразился смехом, а затем сказал: "Младший снова умоляет старшего, не мог бы ты дать младшему огненный Линь Дань на долгое время позже."

Би Бай'ан посмотрел на него с долгим вздохом и сказал: "Ты сделал это для неё. Если бы она знала, что ты умер, она бы не представляла, как ей было бы грустно".

"Старший, мне очень жаль", - Лу Яо спокойно улыбнулся и сказал: "Не могли бы вы не говорить ей, просто скажите, что глаза - это всего лишь снежная слепота, которую удалось вылечить. Если она спросит младшего, то скажет, что младший спустился с горы". См. Би Байань С подозрительным выражением на лице, она снова улыбнулась: "Она не знает, кто такой младший, потому что младший проходил мимо и спас её от Мяо Цинмэна".

Выражение лица Би Бай'аня слегка дрогнуло, и он схватил Лин Цинъю за голову, нож выхватил её глаза, как молния, затем повернулся, и когда холодное лезвие пронзило широко раскрытые глаза, спросил: "Она я не знаю, кто ты? Ты готов умереть за неё?"

От сильной боли Лу Яо схватился обеими руками за каменную платформу под собой, его зубы были крепко стиснуты, а из уголков рта полился голос: "Да!"

Лунный свет словно моет, белый снег отражает звездный свет, а ледник ярко блестит. Волнистые горы вдаль безмолвно стоят под небом. Сотни лет упорства и молчания делают эту пустую гору одинокой, как лед.

Би Байань прислонился к темной каменной скале, его ноги возились в горячем озере, и слабый стон в каменном доме слабо раздавался в этой пустоте, вызывая пульсацию в его давно затихшем сердце.

Если она сделала что-то не так, а не была привлечена красотой Мяо Цинмэн, как Цзиньэр могла вернуться в Красный особняк? Даже если бы она притворилась, что сопровождает ее в Красном особняке, она проигнорировала ее, а потом сцепилась с Мяо Цинмэн, была отравлена ею и превратилась в живого мертвеца, так что она могла только пропитаться в этом огненном озере в течение двух месяцев, чтобы найти росток. Цинмэн принял противоядие.

Сколько лет прошло? Она стоит здесь одна и ждет Цзинь'эр, которая неизвестно когда проснется, ее лицо постепенно стареет, но Цзинь'эр все так же прекрасна, как и прежде. Проснется ли она, не понравится ли ей, и уйдет ли она одна?

Молодой человек так сильно любит эту женщину, но он даже не осмеливается позволить ей услышать себя. Цзинь'эр, если ты не хочешь простить меня, когда проснешься, что мне делать?

Тело, лежащее на нем, забилося в конвульсиях и издало низкий рык, наполняя его тело палящим жаром, а тепло внизу живота, казалось, облегчило боль в глазах.

Покачивая головой, он поднял руку и коснулся ее завязанных глаз. Как только она собралась заговорить, ее взяли за руку, дрожащими потными пальцами написали на ладони: "Не двигайся, Би Байань дает тебе После лечения глаз пройдет некоторое время, прежде чем их можно будет открыть. Вы находитесь здесь, чтобы оправиться от болезни. Я тороплюсь. Сначала мне нужно спуститься с горы. Би Байань отвезет вас на гору, будьте уверены.

Его пишущие пальцы дрожали, а штрихи оставляли странное ощущение на ладони, и она спросила глухим голосом: "Может ли силач назвать свое имя? Линь Цинъюй сообщит его в будущем!".

Палец сделал паузу, а затем написал: Нет, я получил лучшую отдачу.

Лучший доход?

Хотя она только что очнулась от комы, и боль в глазах занимала большую часть ее сознания, но в этот момент она ясно почувствовала радость от инь змеи, и это щедро облегчило часть боли в глазах, и она горько улыбнулась. Сказала: "Я хочу поблагодарить вас, мое телосложение особенное...".

Щедрые и теплые ладони коснулись ее щек, а затем толстые и мягкие губы приподнялись, нежный поцелуй, сначала слегка чмокнул, а затем постепенно углубился, словно бережно обращаясь с самым ценным сокровищем, оставив пустоту в ее сознании, из уголка рта Посыпались вопросы: "Кто вы?"

Мужчина не ответил ей, а лишь углубил поцелуй и крепко обнял ее, словно пытаясь вплавить ее в свое тело, и в этом поцелуе тоже была доля горечи.

Несколько дней они шли вместе по заснеженным горам. Ночью в ледяной пещере они обнимались, чтобы согреться, но поцеловались они впервые. Линь Цинъюй было очень не по себе. В этом поцелуе было слишком много подавленных чувств. Такие яростные чувства заставили ее усомниться в своих суждениях, действительно ли она незнакомка?

Но в этот момент мужчина отпустил ее, а затем завернул в плащ. Как и несколько дней назад, он прижал ее ладонью к животу, и оттуда исходило теплое дыхание, от которого согревалось все тело, даже боль в его глазах утихла, а затем он погрузился в глубокий сон.

Издалека казалось, что он слышит, как кто-то говорит низким голосом, этот голос был

глубоким, честным и магнетическим, что было очень красиво.

Если в следующей жизни, что бы ни случилось, я больше никогда не уйду, никогда не уйду...

На ледяном хребте горы Цилянъ две темно-красные фигуры быстро мелькали, напрягая свой легкий труд до предела, оставляя лишь неглубокие следы на снежной земле. Как только ветер прошел, следов не осталось.

"Брат Одиннадцать!" воскликнул Е По, затем указал на свою левую руку и сказал: "Смотри, что там?"

Е Шии бросился к нему и посмотрел в направлении его пальцев.

Вон там, за хребтом, вился шлейф дыма.

"Вперед!" Развернувшись, Е Одиннадцать устремился к хребту, словно большая птица.

В горах Цилянъ много вершин. Под снегом они не могли определить направление. Они бродили здесь уже два дня, но так и не нашли местонахождение Мяо Цинмэна. За исключением сильной боли семь дней назад, не было никаких следов, что заставило его почувствовать беспокойство.

И снова, из-за того, что он подверг ее опасности, сердце Е Шии было полно сожаления. Если с ней что-то случится, если безумная женщина Мяо Цинмэн или безумная женщина Алена убьют ее, Е Шии даже думать об этом не может. Не смеет думать.

Пейзаж долины слегка ошеломил обоих, и они со стотысячной долей осторожности устремились к дымящемуся озеру.

Еще не дойдя до озера, яростная аура меча отбросила их обоих на несколько шагов назад. Из дыма вышел мужчина средних лет, лет пятидесяти, и с усмешкой на лице взмахнул длинным мечом в руке. Он сказал: "Молодой человек владеет боевым искусством, но если старик не выходил на арену десять лет, неужели ты думаешь, что кто-то может прийти сюда?"

"Старший простите меня! Мы здесь, чтобы найти обитель Мяо Цинмэна. Видя, что здесь курят, мне очень жаль беспокоить старших", - сказал Е Одиннадцать с приветствием, - "Не могли бы вы сказать нам, что живет Мяо Цинмэн? Где она находится?"

"Мяо Цинмэн?" Би Бай'ан слегка сузил глаза и спросил, "Почему вы ее ищете?"

"Мяо Цинмэн поймала нашего хозяина". ответила Е Шиси.

"О?" Би Байань посмотрел на них двоих, снова щелкнул пальцами по мечу и сказал: "Вы двое хорошо владеете боевыми искусствами, но вы не противники Мяо Цинмэна, возвращайтесь назад".

"Старший, пожалуйста, скажите мне место!" Е Шии сказал с подарком.

"Пойти умереть?" Би Бай'ан усмехнулся, а затем сказал: "Ты иди, через несколько дней я найду проблемы с Мяо Цинмэном, если увижу, что твой хозяин спасся вместе с ним.

"Минг Рицзинь Детский яд может быть решен, и Би Бай'ан сейчас в очень счастливом настроении, и его не волнует, что он под рукой.

Е Ши и Е По посмотрели друг на друга. Меч и гнев этого человека только что презирали весь мир, но теперь, говоря о Мяо Цинмэн тоном, будто он имеет дело с морковью и капустой, этот человек и есть Би Байань?

"Одиннадцать?" Голоса, доносившиеся издалека, изменили выражения лиц Е Ши и Би Баяна. Прежде чем Би Байань успел заговорить, Е Ши пронесся от озера к каменному дому перед снежной стеной.

"Брат Лу..." глядя на мужчину, стоявшего, держась за дверную раму, Е Шии немного неуверенно вскрикнул, а затем бросился вперед, пытаясь помочь уже несколько нестабильной крови под завязанными глазами. Лу Яо капала вниз.

Лу Яо сделала шаг назад и спокойно улыбнулась: "Ты не можешь меня трогать".

"Так ты знаешь?" Би Байань неторопливо последовал за ним и сказал.

Лу Яо посмотрел в сторону Би Баяна и сказал: "Да, старший, мы вместе, то есть человек из семьи Линг, который надеется, что вы отправите ее с горы". После паузы он повернулся к Е Шиси: "Одиннадцать, она отдыхает в соседней комнате, не волнуйтесь, старший лечит его".

"Старший брат Лу, ты?" нерешительно спросил Е Шии. Хотя боевые искусства Лу Яо не так хороши, как у Мяо Цинмэна, он не должен был так пострадать.

"Так эта женщина - твой мастер? Она была ранена Мяо Цинмэном. Твой брат Лу дал ей ее собственные глаза. Потребуется не менее двух месяцев культивации, прежде чем ее глаза смогут восстановиться, и..."

"Старший!" Лу Яо прервал Би Баяна, его губы слегка дрожали, его руки больше не могли ухватиться за дверную раму, и он прошептал: "Старший, пожалуйста, позвольте мне говорить за себя".

Би Байань улыбнулся и сказал: "Что? Они не могут знать? Ты можешь вспомнить, что, покинув ледяную платформу и будучи эмоциональным, ты не можешь направлять огненного Линь Даня, не бросай все свои прежние усилия!" Затем повернулся и пошел к озеру.

Увидев, что Лу Яо обернулся, его тело задрожало так сильно, что он не мог стоять на месте.

. Е Ши шагнул вперед и схватил его за руку. Только он собрался заговорить, как его рука задрожала, и он быстро отпустил ее. Увидев, что ****, задрапированный на его теле, обуглился и вспыхнул.

"Старший брат Лу!" воскликнула Е Шиси, глядя, как он, путаясь, идет к столу, вырезанному из льда в доме. Белье на его теле сгорело дотла, он поддерживал ледяной стол и бился. Тело ** лежало, промчалось несколько шагов и спросило: "Ты?"

"Одиннадцать, ты помнишь, что гениальный доктор сказал, что единственная вещь, которая может подавить холод в теле, это самая ян-вещь в мире. Если есть эта вещь янь, возможно, она все еще может иметь детей, помнишь?" Сделай глубокий вдох. Лу Яо спросил тоном внутренней силы, чтобы подавить огневую мощь Хуо Линь Даня.

"Да, помнишь." ответил Е Ши, затем взглянул на Е По, который последовал за ним.

"Зверь солнца под солнцем - огненный единорог, и внутренняя алхимия огненного единорога -

это вещь солнца, но огненный единорог - это другое животное под миром, рожденное в другом месте, где никто не знает, это легендарный зверь, и Та Огненная Пилюля Линь - тоже жестокая вещь, и она сжигает, когда к ней прикасаются." Е По медленно сказал: "Значит, гениальный доктор также сказал, что это нечто неоспоримое".

Лу Яо наклонил голову, улыбнувшись красными губами, и сказал: "Йепо тоже здесь? Просто..." Его тело дрожало от боли, а от жара под ним встал лед. После того, как появилось небольшое тепло, он снова немного запустил внутреннюю силу, чтобы притянуть расплавленную лекарственную силу к сердцу и печени. Лу Яо вздохнул и сказал: "Огненная липа находится в моем теле. Ее можно будет очистить завтра. Ладно, одиннадцать, ты помнишь, старший Би Байань обещал мне, что сердце и печень будут разделены на две половины, из половины он сделает свое лекарство, а другую отдаст Цинъюй.

Также я возьму остатки огненной липы. Оставшаяся внутренняя сила меня и меня самого также собрана в Дантянь в пилюлю. Епаку, если ты съешь ее, то сможешь улучшить некоторые навыки".

Е Шиши потребовалось время, чтобы переварить смысл сказанного, он присел на корточки, посмотрел на свое красное тело, его глаза были красными, а рука, держащая кубик льда, дрожала, совершенствуясь. Дорогой мой, неужели Лу Яо меняет свою жизнь на лекарство?

"Одиннадцать", - прошептал Лу Яо с жаром в дыхании: "Она не знает, Цинъюй не знает, не говори ей, если она спросит, просто скажи, что человек, который спас ее, спустился с горы, никто из вас не знает, кто это, помнишь?"

"Да, мы запомнили!" Видя, что Е Шиши не отвечает, Е По шагнул вперед и ответил.

"Е По, не мог бы ты сделать одну вещь?" Лу Яо наклонил голову в сторону Е По и с улыбкой сказал.

"Брат Лу, пожалуйста, скажи!" Хотя Лу Яо не мог этого видеть, Е По поклонился и отдал честь.

"Завтра, после извлечения сердца, печени и Надана, мое тело превратится в пепел, Епа, если у тебя будет возможность пойти с ней в Зал Долголетия, не мог бы ты взять мой пепел и посыпать им перед дверью". Лу Яо Тон был спокойным, но в его голосе звучала трепетная надежда.

"Е По знает!" Е По кивнул и ответил.

"Спасибо..." Лу Яо облегченно вздохнул, на его раскрасневшемся лице появилась счастливая улыбка, а затем его тело сильно задрожало, и от ледяной платформы поднялся легкий жар, отчего его тело начало казаться обугленным.

Лу Яо изо всех сил старался контролировать жар и давление. Хотя Е По был молод, он был человеком с большими перспективами. Он обещал и, естественно, делал все возможное. Таким образом, не будет больше сожалений, и он постарается успокоить себя. Волнение и радость, пусть настроение успокоится, а затем вернется к спокойствию, немного уняв рвущийся жар в сердце.

Огонь сжег его сердце, такая сильная боль, но лицо Лу Яо было спокойным, словно он наслаждался весенним солнцем, наблюдая за девушкой под деревом, бормочущей планы, затем повернул голову и нахмурился, испытывая отвращение к своему мастерству. это хорошо.

Е По вышел из дома и вернулся в соседний каменный дом. Линь Цинъюй на каменной кровати все еще спала, как и тогда, когда он вошел. Тканевая повязка, закрывающая глаза, закрывала половину лица, но слабая улыбка в уголках рта выдавала, что она, похоже, видит сон.

Опустившись на колени рядом с кроватью, Е По осторожно положил свою руку на ее, помолчал мгновение, встал, передал место стоящей позади него Е Шиси и вышел из каменного дома.

Услышав внутри сдавленные рыдания Е Шиси, Е По поднял глаза и посмотрел на небо, солнце клонилось к западу, день уже близился к концу. Е По поклонился и протянул полный подарок.

"Завтра, после извлечения сердца, печени и надана, мое тело превратится в пепел, Йепа, если у тебя будет возможность пойти с ней в Зал Долголетия, не могла бы ты взять мой пепел и посыпать его перед дверью". Лу Яо Тон был спокойным, но в его голосе звучала трепетная надежда.

"Е По знает!" Е По кивнул и ответил.

"Спасибо..." Лу Яо облегченно вздохнул, на его покрасневшем лице появилась счастливая улыбка, а затем его тело сильно задрожало, и от ледяной платформы поднялся легкий жар, отчего его тело начало казаться обугленным.

Лу Яо изо всех сил старался контролировать жар и давление. Хотя Е Пао был молод, он был человеком с большими перспективами. Он пообещал, и, естественно, выполнит это со всей своей силой. Таким образом, больше не будет сожалений, и он постарается успокоить себя. Волнение и радость, пусть настроение успокоится, а потом вернется к спокойствию, немного убавят стремительный жар в его сердце.

Горящее сердце, такая сильная боль, лицо Лу Яо было спокойным, как будто наслаждаясь весенним солнцем, наблюдая за девушкой под деревом, бормочущей планы, затем обернулся и нахмурился, испытывая отвращение к своему мастерству. это хорошо.

Е По вышел из дома и вернулся в соседний каменный дом. Линь Цинъюй на каменной кровати все еще спала, как и тогда, когда он вошел. Тканевая повязка, закрывающая глаза, закрывала половину лица, но слабая улыбка в уголках рта выдавала, что она, похоже, видит сон.

Опустившись на колени рядом с кроватью, Е По осторожно положил свою руку на ее, помолчал мгновение, встал, передал позицию стоящей позади него Е Шиси и вышел из каменного дома.

Услышав сдавленные рыдания Е Шиси внутри, Е По поднял глаза и посмотрел на небо: солнце клонилось к западу, и день уже близился к концу.